

К.К. Семенов

РУССКАЯ АРМИЯ НА ЧУЖБИНЕ

Драма военной эмиграции 1920—1945 гг.

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

Константин Константинович Семенов
Русская армия на
чужбине. Драма военной
эмиграции 1920—1945 гг.
Серия «Военно-историческая
библиотека (Вече)»

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51707338

Русская армия на чужбине. Драма военной эмиграции 1920–1945 гг.:

Вече; Москва; 2019

ISBN 978-5-4484-8164-2

Аннотация

Новая книга К. К. Семенова «Русская армия на чужбине. Драма военной эмиграции 1920–1945 гг.» рассказывает о трагической истории наших соотечественников, отправившихся в вынужденное изгнание после Гражданской войны в России.

Используя многочисленные архивные документы, автор показывает историю русских солдат и офицеров, оказавшихся в 1920-е годы в эмиграции. В центре внимания как различные воинские организации в Европе, так и отдельные личности Русского зарубежья. Наряду с описанием повседневной жизни

военной эмиграции автор разбирает различные структурные преобразования в ее среде, исследует участие в локальных европейских военных конфликтах и Второй мировой войне.

Издание приурочено к 95-летию со дня создания крупнейшей воинской организации Русского зарубежья – Русского Обще-Воинского Союза (РОВС).

Монография подготовлена на основе документов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, Архива ГБУК г. Москвы «Дом русского зарубежья им. А. Солженицына», периодики Русского зарубежья и других источников.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Исход	11
Глава 2. От армии беженцев к Русскому Обще- Воинскому Союзу	53
Конец ознакомительного фрагмента.	60

**Константин
Константинович Семенов
Русская армия на чужбине
Драма военной
эмиграции 1920–1945 гг.**

Ксении с благодарностью за любовь и поддержку

Предисловие

Эта книга выходит на рубеже 2019–2020 гг., когда в России вспоминают события почти 100-летней давности. В 2019 г. исполнилось 95 лет крупнейшим воинским организациям Русского зарубежья – Русскому Обще-Воинскому Союзу (РОВС) и Корпусу императорских армии и флота (КИАФ). Обе организации были образованы в 1924 г. и долгие годы играли ведущую роль в жизни русской эмиграции. В 2020 г. наша страна будет вспоминать Крымский исход 1920 г. – эвакуацию Русской армии генерала П. Н. Врангеля. Мемориализация памяти об этих событиях является одной из главных задач книги.

Первая половина XX в. – один из самых трагических этапов истории нашей страны. В это время на ее долю выпали тяжелейшие потрясения – Русско-японская война, три революции, Первая мировая война и кровопролитная Гражданская война, Советско-финская и, наконец, Вторая мировая война, 22 июня 1941 г. трансформировавшаяся в Великую Отечественную войну. В результате этих событий вне пределов России оказалось значительное количество наших соотечественников.

Февральская революция поставила точку в многолетней истории Российской империи – страна приняла новую форму бытия, а вместе с ней изменились и принципы существо-

вания ее армии. Вскоре началась ожесточенная Гражданская война, несколько лет спустя закончившаяся поражением белых армий. Многие участники борьбы с большевиками оставили Россию и отправились в вынужденное изгнание. На долгие годы разные страны стали для них прибежищем.

Военнослужащие всегда представляли собой ярко выраженную социокультурную группу с многолетними устоявшимися традициями и обычаями. На чужбине в их жизни произошли значительные изменения. В первую очередь это было обусловлено переходом белых армий на беженское положение и преобразованием армейских частей в воинские союзы.

Находясь в эмиграции, военнослужащие столкнулись с многочисленными проблемами социально-экономического и политического характера, обусловившими изменения в их повседневной жизни: они в большинстве случаев потеряли возможность продолжать военную службу и были вынуждены стать простыми рабочими и служащими. Несмотря на тяжелые условия существования, многие офицеры не утратили веры в реванш, что привело к участию бывших офицеров в различных военных конфликтах и войнах первой половины XX в.

Вторая мировая война стала переломным моментом в жизни военной эмиграции. Она нарушила хрупкий мир в эмигрантских кругах и роковым образом разделила Русское зарубежье. Тяжелейшие условия военного времени и уча-

стие ряда офицеров-эмигрантов в боевых действиях существенно ослабили монолитность военной эмиграции, не щадило офицеров и время. Эти и другие причины по окончании войны сделали возможной трансформацию воинских союзов в обычные ветеранские организации, сохранявшие память об исторической России.

В этой книге пойдет речь о судьбах эмиграции первой волны, оставившей пределы России в 1917–1922 гг. Среди вынужденных изгнанников достаточно большой процент составляли военнослужащие – участники антибольшевистской борьбы. В фокусе нашего исследования – различные организации военной эмиграции и судьбы их членов в период 1920–1945 гг. В эти годы Европа являлась эпицентром важнейших мировых событий, поэтому в данной работе территориальные рамки ограничены Европейским континентом. Воинские организации в азиатских странах и странах Америки будут рассмотрены в последующей монографии.

История русской военной эмиграции 1920–1945 гг. это уникальный социокультурный феномен существования милитаризованных формирований-организаций вне пределов Родины. Можно только удивляться, как долгие годы русским эмигрантам, в большинстве своем жившим на скудные заработки, удавалось сохранять свою корпоративную спайку.

Помимо сохранения памяти русские солдаты и офицеры внесли неоценимый вклад в научную, культурную и общественную жизнь европейских стран. Вопреки распростра-

ненному заблуждению об армии как обители солдафонства русские офицеры показали удивительные примеры образованности, тяги к знаниям, утонченного понимания прекрасного.

Среди различных мифологем советского периода широко известна и тиражируема одна, что непримиримые и злобные офицеры обманом вывезли за границу темные массы простых солдат и казаков и почти насильно удерживали в лагерях нижних чинов. «Во время тяжелой и упорной борьбы Советское правительство знало, что тысячи русских трудящихся путем обмана и насилия втянуты в борьбу с рабоче-крестьянской властью на сторону царских генералов и помещиков, фабрикантов. Этих обманутых людей водили в бой за чужое дело, и когда им пришлось очутиться на чужбине, их бросили на произвол судьбы»¹. В то время как современники считали по-другому: «Из всего состава Галлиполийской армии 50 % офицеров, остальные 50 % – в огромном большинстве – солдаты из русских интеллигентов. Студенты, учащиеся старших классов средних школ, ушедшие разновременно в эпоху Гражданской войны за идею великой России в ряды Добровольческой армии, адвокаты, инженеры, агрономы и т. д. Есть полки, где из солдатской массы более 70 % людей с высшим образованием или средним»².

---

¹ Русская военная эмиграция 20-40-х годов. Документы и материалы. Т. Возвращение... М., 2002. С. 70–71.

² Русская военная эмиграция 20-40-х годов. Документы и материалы. Т. Книга

С конца XX в. тема русской военной эмиграции вызывает большой интерес у исследователей. Ряд отечественных ученых внес большой вклад в изучение военных организаций Русского зарубежья. В первую очередь это работы С. В. Волкова, В. И. Голдина, Н. А. Кузнецова, В. В. Марковчина, А. В. Огорокова, С. В. Смирнова, В. Г. Чичерюкина-Мейнгардта. Указанные авторы вдумчиво и скрупулезно восстановили различные этапы жизни военной эмиграции, уделяя большое внимание различным кризисам внутри эмигрантского сообщества. Значительно меньше внимания уделяется ежедневной жизни солдат и офицеров и структурным изменениям в воинских организациях. Поэтому, готовя настоящую книгу к изданию, я старался включить в нее моменты, рассказывающие о структуре военных организаций Русского зарубежья и их повседневности. Информация о жизни военной эмиграции дается в хронологическом и территориальном порядке.

Автор выражает искреннюю благодарность друзьям и коллегам за помощь в работе над книгой. Особенно хочется отметить и поблагодарить М. Ю. Блинова, А. Ю. Вовка, Н. А. Кузнецова, А. В. Марыняка, А. В. Огорокова, М. Ю. Сорокину, С. А. Хазанова-Пашковского.

Глава 1. Исход 1920–1922 гг.

Как в бою разворачивается полк, разбивается на батальоны, роты, взводы, звенья, принимает рассыпной строй, так армия-изгнанница из лагерей Галлиполи, Лемноса, Кабакджи разошлась по братским славянским странам, рассыпалась по горам Македонии, шахтам Болгарии, заводам Франции, Бельгии, Нового Света.

Рассыпалась, но осталась армией, воинами, спаянными единой волей, связанными между собою и со своими начальниками, одушевленными одним порывом, одной жертвенной готовностью. Среди тяжелых испытаний армия устояла. Не ослабла воля. Не угас дух.

Придет день, протрубит сбор, сомкнуться ряды и вновь пойдём мы служить Родине.

Бог не оставит нас, Россия не забудет.

Генерал П. Н. Врангель

Февральская революция стала своеобразной точкой отсчета для начала эмиграции из России – сразу после нее за пределы страны, в надежде пересидеть смуту, потянулись наши соотечественники. После Октябрьской революции и в годы Гражданской войны процесс вынужденной эмиграции набирал обороты. По различным сведениям, Россию покинуло около 1 млн человек.

Формирование военной эмиграции в европейских странах началось еще до Октябрьской революции. Ее основу составили военнопленные Русской императорской армии, находившиеся в Германии, Австро-Венгрии, Турции. Чуть позже к ним добавились военнослужащие-«невозвращенцы» из состава Русского экспедиционного корпуса во Франции и Греции. Большевистский переворот вынудил некоторых генералов и офицеров отправиться за границу, в надежде пересидеть смуту и затем вернуться домой.

Организованная и массовая эмиграция военнослужащих началась в 1918 г. с уходом белых или национальных армий в изгнание. Первыми в конце 1918 г. на территорию Германии прибыли около 2500 беженцев из Прибалтики и Украины. Среди беженцев преобладали военнослужащие армии гетмана Украины П. П. Скоропадского. Эта группа беженцев была размещена в лагерях Клаусталь, Бленхорст, Вецлар, Нойштадт и Зальцведель. В последнем вскоре была образована так называемая Западная добровольческая армия (ЗДА) генерал-майора П. Р. Бермондт-Авалова. В декабре 1919 г. на территорию Германии отошла новая волна русских военнослужащих – около 3000 человек из ЗДА. Из этой группы 1400 человек были размещены в городе Нейссе, а другие в лагерях Альтенграбов и Вюнсдорф. Прибывшие на территорию Германии чины армии получили единоразовую денежную помощь от Германии в размере 250 марок офи-

церы и 150 марок солдаты³. Весной 1920 г. для прибывающих в Германию русских военнослужащих было создано еще несколько новых лагерей-общежитий в Альтенау, Боденфельде, Вильдемане.

В апреле 1919 г. в рамках Одесской эвакуации Россию покинуло 12 330 военнослужащих, они неравномерно рассеялись между Турцией, Болгарией, Румынией и Королевством СХС.

В ноябре 1919 г. на территорию Эстонии отошла Северо-Западная армия генерала от инфантерии Н. Н. Юденича. В ее составе насчитывалось около 15 000 человек, с ними находилось около 30 000 гражданских беженцев и 10 000 военнопленных. К весне 1920 г. из этого количества 7611 человек вернулись в Советскую Россию и около 9000 человек перебрались в Польшу к сентябрю 1920 г.

В начале февраля 1920 г. из Одессы на 35 судах было эвакуировано около 16 000 человек, процент военнослужащих в этой эвакуации установить не удалось. Эвакуация Одессы была плохо организована, и около 3500 военнослужащих не смогли погрузиться на суда, остались в городе и были пленены. Около 1800 военнослужащих, названных Овидиопольским отрядом, ушли пешим порядком в Румынию. Часть отряда рассеялась по странам, а некоторые бойцы вернулись в Крым.

После возглавления Вооруженных сил юга России гене-

---

³ Бермондт-Авалов П. Р. В борьбе с большевизмом. М., 2017. С. 243.

рал-лейтенант П. Н. Врангель отдал распоряжение начать работу по подготовке эвакуации своих войск. В первую очередь им двигало желание исключить повтор новороссийской катастрофы. Уже в день своего назначения Врангель поручил командующему флотом подготовить возможность эвакуации в Константинополь 60 000 человек.

Командующий флотом тяжело болевший вице-адмирал М. П. Саблин был сменен контр-адмиралом М. А. Кедровым, на чьи плечи и легла основная подготовка эвакуации.

31 октября – 2 ноября 1920 г. из Крыма было эвакуировано почти 150 000 человек, из них более 100 000 были военнослужащими. Около 50 000 человек принадлежали к стрелковым частям, до 40 000 человек были чинами тыловых учреждений и частей, 6000 человек были больными и ранеными и 3000 были воспитанниками военно-учебных заведений⁴. Крымская эвакуация производилась из нескольких городов. Из Севастополя было эвакуировано 65 000 человек на более чем 80 судах, из Керчи 32 300 человек на 29 судах, из Ялты – около 13 000 на 12 судах, из Евпатории – 7600 человек на 6 судах⁵.

Всего же, по оценкам современных исследователей, Россию оставили около 250 000 военнослужащих⁶, из них при-

---

⁴ Русская армия в изгнании. 1920–1923 годы // Русская армия на чужбине. Галлиполийская эпопея. М., 2003. С. 7.

⁵ Кузнецов Н.А. Русский флот на чужбине. М., 2009. С. 104.

⁶ Голдин В.И. Генералов похищали в Париже. Русское военное Зарубежье и

мерно 70 000 были офицерами, из которых около 58 000 человек эвакуировалось в составе белых армий, около 7000 служили в армиях новообразованных государств, а остальные не участвовали в Гражданской войне и оказались за рубежом по другим причинам⁷. Для понимания значения РОВСа в жизни военной эмиграции укажем, что в 1924 г. в состав первых четырех отделов союза входило 25 293 офицера⁸.

Эвакуированная из Крыма армия по договоренности с союзниками и турецкими властями была размещена во временных лагерях. Соглашаясь на это, генерал Врангель даже не подозревал о тяжелейших условиях, ожидавших русских изгнанников в лагерях. Французское правительство в счет имущества Русской армии обязалось предоставлять чинам армии продовольственный паек.

Стрелковые части Русской армии были распределены в лагерях на турецкой земле следующим образом. Части 1-го Армейского корпуса (более 25 000 человек) под командованием генерала от инфантерии А. П. Кутепова были размещены в Галлиполи, около 15 000 донских казаков под командованием генерал-лейтенанта Ф. Ф. Абрамова – в Чаталдже и до 15 000 кубанских казаков под командованием генерал-лейтенанта М. А. Фостикова расположились на острове Лем-

---

советские спецслужбы в 30-е годы XX века. М., 2016. С. 19.

⁷ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1999. С. 274.

⁸ Ганин А.В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917—1922 гг. М., 2019. С. 50.

нос⁹. Русская эскадра, сократившаяся до 30 кораблей и 6000 человек (включая Морской кадетский корпус) была направлена в Бизерту (Тунис). Больные и раненые военнослужащие были помещены в различные госпитали на территории Турции и Греции. Гражданские беженцы были отправлены в различные страны.

В лагерях Русская армия была реформирована в три корпуса: 1-й Армейский, Донской и Кубанский. Из ее состава были выведены лица, перешедшие на беженское положение, существовавшие части оптимизировались: из «цветных»¹⁰ дивизий 1-го Армейского корпуса были созданы одоименные полки.

Изначально питание в лагерях было индивидуальным – военнослужащий получал паек на себя и занимался приготовлением пищи в собственном котелке. «Ели и недоедали. Чувство голода пришло не сразу. Сначала просто хотелось есть, но еще было что продать и купить добавочный кусок хлеба. Потом – работа не уменьшилась; начались занятия, и постепенно ощущение временного недоедания сменилось чувством постоянного сосущего голода. А тут паек еще уменьшен. Теперь хлеба хватает только до обеда. Суп из одних бобов похож на опаловый мыльный настой, и в нем пла-

---

⁹ Русская армия в изгнании. 1920–1923 годы... С. 9.

¹⁰ «Цветными» частями в годы Гражданской войны на юге России назывались военнослужащие элитных частей, названных в память лидеров белой борьбы, – алексеевцы, дроздовцы, корниловцы и марковцы.

вает считанный не раз порцион – 72-113 фасоли. Полторы чайные ложки сахара и немного консервов дополняют картину дневного пропитания», – вспоминал один из галлиполийцев¹¹. В Тунисе (Бизерте) положение с питанием было чуть лучше.

Позже питание стало из общего котла, что не исключало выдачи индивидуального пайка. В январе 1921 г. ежедневный паек включал в себя: хлеб – 400–500 г, мясные консервы – до 200 г, картофель – до 750 г, бульонные кубики – 2 г, сахар – до 20 г, кокосовое масло – до 20 г, чай – 1 г, иногда выдавалось 75 г муки, одна селедка или 100 г камсы. Картофель мог быть заменен 100 г крупы¹².

Нахождение в лагерях негативно отражалось на дисциплине в частях. В Галлиполи из-за блестящего командного состава и более жесткой дисциплины удавалось держать ситуацию под контролем, а вот в казачьих лагерях ситуация была гораздо хуже. Не помог и перевод Донского корпуса на Лемнос. Проблемы с дисциплиной, а также интриги французского командования против Главнокомандующего и армии стали причиной распыления казачьих частей. Французы всячески химичили с выдачей пайка, грозя армии голодом, также они горячо приветствовали и стимулировали переход на беженское положение (перешло до 4000 человек), возвращение в Советскую Россию (до 3000 человек, преимуще-

---

¹¹ Русская военная эмиграция 20—40-х годов. Т. 1. Кн. 2. С. 65.

¹² Кравченко Вл. Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Т. 2. Мюнхен, 1975. С. 306.

ственно казаки), трудовую миграцию в Латинскую Америку (около 3000 человек, преимущественно казаки), а также записать во французский Иностранный легион (несколько сотен человек)¹³.

Командование предпринимало самые различные меры для осуществления перевозки частей армии из лагерей в Турции. Первичные переговоры проводили военные агенты в различных странах. Наиболее привлекательными для командования были страны балканского региона. С помощью генерала от кавалерии П. Н. Шатилова командованию наконец удалось договориться о приеме воинских частей в Болгарии и КСХС (Королевство сербов, хорватов и словенцев). В мае 1921 г. началась перевозка армии на Балканы.

Пребывание на чужбине заставляло эмигрантов непрерывно думать о будущем. Не было исключением и командование Русской армии. 8 декабря 1920 г. в интервью рижской газете «Сегодня» генерал П. Н. Врангель заявил следующее: «Со времени эвакуации Крыма я фактически перестал быть правителем юга России. Но идея русской законной власти существует, и я по-прежнему олицетворяю ее. Недавняя история Бельгии и Сербии доказывает, что временное оставление государственной территории не означает политического уничтожения государства. Мы будем в таком же положении, как эти государства. Если союзники будут относиться к 70 000 эвакуированных солдат как к армии, которая не

---

¹³ Русская армия в изгнании. 1920–1923 годы... С. 11.

преминет возобновить борьбу. Было бы непростительно не признавать значения русской армии, дисциплинированной и готовой к выполнению своей мировой задачи. Если союзники, не оценивая правильного положения, будут видеть в армии простую массу беженцев, я перестану быть главой власти, так как никогда не соглашусь играть роль Петлюры или Скоропадского. Таким образом, моя судьба, как главы правительства, зависит от судьбы армии. Я твердо верю, что союзники, принимая во внимание красную опасность, поймут важность сохранения армии...»¹⁴ К сожалению, Петр Николаевич глубоко заблуждался, надеясь на помощь и признание союзников. Последние и не собирались помогать изгнанникам. Стоит сказать, что взаимоотношения белых армий и лидеров эмиграции с союзниками требуют и еще ждут своего исследователя и потому останутся вне рамок нашего повествования.

В январе 1921 г. штаб Русской армии уже не сомневался в злом умысле союзного командования, особенно французского, контролировавшего лагерь, где располагались эвакуированные части армии. Свою задачу французское командование видело в роспуске армии и уничтожении спайки воинских частей. Для этого французами осуществлялся целый комплекс мер – психологическое давление на командование Русской армии, сокращение пайка и снабжения русских частей, ужесточение режима входа-выхода с террито-

---

¹⁴ Русская военная эмиграция 20-40-х годов. Т. 1. Кн. 2. С. 13.

рии лагерей, побуждение к возвращению в Советскую Россию и вступлению в французский Иностранный легион.

Пребывание в лагерях было далеко не простым, многие не выдерживали и переходили на беженское положение и оставляли лагеря и армию. При лагерях стали формироваться беженские батальоны, но армия продолжала жить.

8 января 1921 г. начальник информационного отделения штаба Главнокомандующего Русской армией разослал письмо военным представителям П. Н. Врангеля в Греции, Польше, Сербии, Чехословакии и Франции, в котором указывал: «Между тем целый ряд распоряжений французского командования, продиктованных местными интересами, очень часто идет вразрез с стремлением Главнокомандующего сохранить воинскую организацию, сохранить армию.

Не предрешая вопроса о будущем, тем не менее приходится считать, что может наступить момент, когда союзное командование станет на открытый путь разрушения армии, т. е. ее организации, или, наоборот, к устранению Главнокомандующего от непосредственного руководства армией.

Для парализования всех вредных последствий этих мероприятий для русского дела решено теперь же принять ряд мер, дабы:

- 1) воинская организация ни в коем случае не разрушалась и
- 2) связь Главнокомандующего с войсками не прерывалась, и в нужный момент можно было бы вновь собрать на борьбу

все наиболее стойкое и крепкое.

Для выполнения этого Главнокомандующий приказал в каждой стране, где есть или будут военнослужащие на положении беженцев, приступить к организации их в Союзы, общества, артели и т. п., изыскивая к тому все способы. Только созданием организации возможно будет удержать их от распыления и неизбежного разложения.

Проведение этой меры позволит не только вести точный учет военнослужащих и поддерживать с ними связь, но явится возможность морально руководить ими»¹⁵. Этим же письмом работа по консолидации военнослужащих в отдельно взятых странах возлагалась на военных агентов.

23 марта 1921 г. правительство Болгарии приняло ряд постановлений, сильно ограничивающих существование русских частей в Болгарии, главным из которых было требование о полной сдаче русскими частями имеющегося вооружения. В страну прибыл генерал А. П. Кутепов, по информации большевистской разведки, он приказал отклонить требования о сдаче оружия.

В 1921 г. в Белграде был образован Совет объединенных офицерских обществ в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Существенным отличием офицерских обществ в КСХС было нахождение в составе некоторых из них отделов, располагавшихся в других странах. К концу 1923 г. в совет входили: Общество русских офицеров в КСХС – 225 че-

---

¹⁵ Русская военная эмиграция 20-40-х годов. Т. 1. Кн. 2. С. 17.

людек, Общество офицеров Генерального штаба – 318, Общество офицеров-артиллеристов – 290, Общество военных юристов – 33, Общество военных инженеров – 121, Общество офицеров инженерных, железнодорожных и технических войск – 652, Общество бывших воспитанников Николаевской инженерной академии и училища – 306, Общество офицеров Корпуса военных топографов – 88, Общество военных интендантов – 63, Общество гвардейской артиллерии – 55, Общество Георгиевских кавалеров – 150, Общество морских офицеров – 709, Общество пажей – 129, Общество бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища – 51, Общество офицеров Корпуса военно-воздушного флота – 200, Союз полковых объединений гвардейской пехоты и сапер – 190 человек, всего 3580 человек¹⁶.

30 июня 1921 г. прибывшая в Королевство сербов, хорватов и словенцев Кубанская казачья дивизия начала строительство шоссейной дороги Вранье – Карбевац – Босилеград. Строительство продлилось более четырех лет и было закончено 31 июля 1925 г.¹⁷ Казакам пришлось работать в тяжелейших условиях, вгрызаясь в скалы. Многие из них сложили головы на этой стройке, скончавшись от переутомления, болезней и непосильного труда. Позже сербы назовут эту дорогу «Русский путь».

Командование армии видело свою главную задачу в кон-

---

¹⁶ Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 1999. С. 272.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-7508. Оп. 1. Д. 8. Л. 69 об.

солидации всех военнослужащих, оказавшихся за пределами России. К 12 февраля 1922 г. штабом Главнокомандующего в рядах армии было учтено 21 331 человек (1802 офицера и 19 529 солдат). Территориально они располагались следующим образом.

В Болгарии находились 1-й армейский корпус (4836 офицеров и 8129 солдат) – 12 965 человек, Донской корпус (1872 офицера и 4328 казаков) – 6200 человек, еще 1829 человек – в рядах различных воинских предприятий и союзов.

В Королевстве СХС в составе различных частей находилось 6276 человек (2656 офицеров и 3620 солдат), еще 3304 человека (829 офицеров и 2475 солдат) – в составе различных артелей.

В Галлиполи оставались технические части общей численностью 1411 человек (763 офицера и 329 солдат).

В районе Константинополя было учтено 1175 человек в составе различных организаций (846 офицеров и 329 солдат)¹⁸.

На вооружении армии тогда же имелось 30 235 винтовок, 180 пулеметов, 9800 сабель, 1 616 000 патронов, а также автопарк из 36 легковых, 27 грузовых и 13 санитарных автомобилей¹⁹.

Таким образом, части Русской армии хоть и были распылены, но все еще представляли собой грозную силу.

---

¹⁸ Русская военная эмиграция 20—40-х годов. Т. 1. Кн. 2. С. 171—172.

¹⁹ Там же. С. 173—174.

Внутреннее положение в нестроеновых организациях-союзах несколько отличалось от того, что было в частях.

Для получения точных сведений о числе готовых к борьбе с большевиками лиц регулярно проводились регистрации воинских чинов. Первая из них прошла весной 1922 г. В ходе ее 9300 человек было зарегистрировано в Болгарии, в Берлине (читай – в Германии) – 12 000 человек, в Белграде (читай – КСХС) – 18 000 человек²⁰. Регистрация должна была быть закончена к 18 марта 1922 г., но в случае казаков продолжалась еще в апреле.

Наряду с внешнеполитическими демаршами Главнокомандующий продолжал проводить начатую еще в Крыму украинскую политику, считая, что «враг моего врага – друг». Переговоры с украинскими политиками и военными продолжались и в изгнании, что вскоре было замечено и советскими спецслужбами: «Из хорошо осведомленного украинского источника сообщают, что в январе [19]22 г. в Кишиневе было подписано соглашение между представителями генерала Врангеля и Гуленко, представителем Петлюры»²¹. Позже украинцы опровергли заключение этого соглашения.

Большой интерес в контексте русско-украинского сотрудничества представляет разрешение П. Н. Врангеля на вступление русских в украинские части: «Российскому военному агенту в Румынии. В ответ на Ваш рапорт от 17 фев-

---

²⁰ Там же. С. 239.

²¹ Русская военная эмиграция 20—40-х годов. Т. 1. Кн. 2. С. 222.

раля 1922 г. Главнокомандующий приказал поставить Вас в известность, что с его стороны, ввиду известных Вам обстоятельств, не встречается препятствий к поступлению русских офицеров, находящихся в Румынии, в части, формируемые Украинским правительством. Начальник отделения Генерального штаба Генерального штаба полковник Подчертков»²².

В дальнейшем генерал Врангель постоянно возражал против вступления русских в чужие части и армии²³, запрещая своим подчиненным участвовать в чужих военных конфликтах, но в украинском вопросе проявил заметную гибкость.

Стоит сказать, что украинские круги тоже пересмотрели свое отношение к Русской армии и стали выступать за установление тесного диалога: «В случае дальнейшей активной борьбы украинского народа за свою независимость является совсем нежелательным иметь еще одного врага. Для того чтобы не сделать ошибки, какую сделала наша дипломатия в 1920 году, когда, несмотря на все требования военных кругов, не было своевременно установлено отношение к армии Врангеля, следствием чего явилась киевская неожиданность...»²⁴.

Командование Русской армии продолжало консолидацию военной эмиграции в единый организм. Наиболее трудным

---

²² Там же. С. 232.

²³ ГАРФ Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 218.

²⁴ Русская военная эмиграция 20—40-х годов. Т. 1. Кн. 2. С. 234.

было договориться о сотрудничестве с представителями белых армий, сражавшихся на других фронтах и не питавших особого почтения к личности П. Н. Врангеля. Между тем летом 1922 г. командование договорилось о присоединении к армии отрядов генерал-лейтенанта П. В. Глазенапа в Венгрии. Согласно проведенной в июне 1922 г. регистрации, в распоряжении Глазенапа были помощники (генерал-майор Л. А. Бабошко и полковники Малама и Горчаков), 18 штаб-офицеров, 347 обер-офицеров (из них 225 пехотных, 58 кавалерийских, 14 артиллерийских, 8 воздушного флота, 15 инженерных, 27 других специальностей), 2500 солдат (примерно 50 % бывшие военнопленные Русской императорской армии, прочие – чины белых армий). Также в Венгрии находилось около 400 донцов и кубанцев²⁵. Около 1500 добровольцев Глазенапа размещались в лагере Фегервари в Будапеште и были хорошо вооружены²⁶. Зачисление отрядов Глазенапа было объявлено приказом по армии № 5379 от 28 июля 1922 г.

23 июля 1921 г. в Стамбуле был образован Совет Союзов и Обществ бывших русских воинов, находящихся в Турции. В его состав вошли Союз русских инвалидов – 1531 человек, Общество кавалеров ордена Св. Георгия – 185 человек, Союз офицеров армии и флота – 381 человек, Союз участников 1-го Кубанского похода – 223 человека, Общество офицеров

---

²⁵ Там же. С. 319.

²⁶ Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича. М., 2002. С. 197.

Генерального штаба – 58 человек, Общество офицеров Русского экспедиционного корпуса во Франции и Македонии – 27, Общество офицеров Конной артиллерии – 42, Группа лиц, поддерживающих духовную связь с русскими военными за границей – 874 человека, всего 2430 человек²⁷. В связи с отъездом из лагерей русских военных становилось все меньше, падала и активность организаций. Весной 1922 г. в Константинополе существовали Союз инвалидов, Союз Георгиевских кавалеров, Союз помощи казакам под общим руководством генерала от кавалерии Н. Н. Баратова. Все три союза были почти бездеятельны. Еще одна организация – Союз взаимопомощи и объединения бывших русских воинов в Турции под руководством генерал-майора Б. П. Лазарева – в то же время занимал пробольшевистскую позицию, но неясно, было ли это с ведома председателя или нет²⁸. Генеральный штаб армии, анализируя существование союзов в Турции, отмечал: «Организованные с этой целью различные воинские союзы не дали того, что на них первоначально возлагалось. Наиболее крупные из них, находящиеся в Константинополе, занялись политическим самоопределением на основе своей полной аполитичности даже в отношении Русской армии...»²⁹

В Константинополе также размещались Управление по

---

²⁷ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1999. С. 271.

²⁸ Русская военная эмиграция 20—40-х годов. Т. 1. Кн. 2. С. 188.

²⁹ Там же. С. 177.

беженцам под руководством генерала Петрова, военный агент генерал Чертков, начальник морских сил генерал Ермаков и военно-морской агент капитан Регекампф. Близость Турции к Советской России позволяла использовать ее территорию для подготовки террористических актов. В июле 1921 г. осуществлена неудачная посылка 30 агентов-террористов на пароходе «Отважный» и 16 человек во главе с капитаном Моисеевым на турецкой шхуне в феврале 1922 г.

Командование Русской армии старалось оградить личный состав от политических дразг и борьбы. Непредрешенчество Добровольческой армии стало одним из важных принципов армии в изгнании. Главнокомандующий и его ближайшее окружение неоднократно подчеркивали запрет на партийность внутри армии. В приказе временно исполняющего должность начальника штаба Русской армии генерал-майора А. П. Кусонского отмечалось:

«1) Каждый военнослужащий волен иметь свои личные политические убеждения и симпатии к той или иной из государственно мыслящих национальных партий.

2) Армия же в ее целом ни в коем случае не может быть партийной, она может и должна служить Родине, но никак ни какой-либо партии.

3) Внесение какой бы то ни было политики, в каком бы то ни было виде в ряды армии недопустимы, и против этого обязаны бороться начальники всех степеней...»³⁰

---

³⁰ Русская военная эмиграция 20—40-х годов. Т. 1. Кн. 2. С. 141—142.

При этом наибольшее распространение в среде армии имели монархические идеи. Особенно много сторонников монархии было среди военнослужащих гвардейских частей. Из генералитета видным представителем монархического лагеря был бывший донской атаман П. Н. Краснов. Врангель поддерживал с ним активную переписку и просил воздержаться от монархических лозунгов.

Оставив лагерь, военнослужащие Русской армии стали медленно расплываться по Европе. Началась организация воинских союзов на местах или образование отделений уже существовавших организаций. Филиалы общества галлиполийцев стали возникать в различных странах. В июле 1922 г. в инструкции отделениям председатель общества генерал-лейтенант М. И. Репьев пояснил, что «отделения общества учреждаются во всех пунктах, где имеется не менее 100 членов общества, согласно § № 33 устава»³¹.

Несмотря на имеющиеся противоречия, 20 августа 1922 г. состоялось совещание членов военного совета при Высшем монархическом совете и представителей командования Русской армии. Оно проходило в Мюнхене в пансионе «Астория» на квартире генерала от кавалерии В. М. Безобразова. От монархистов присутствовали: генерал от кавалерии В. В. Бискупский, генерал от кавалерии П. Н. Краснов, генералы Снигурин, В. П. Глазенап, Ваулин, полковники Непестрем и князь Мещерский. От Русской армии присутствовали

---

³¹ ГАРФ. Ф. 5759. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

начальник штаба генерал Е. К. Миллер, заведующий мобилизационным отделом штаба полковник Саусов, полковник Яншин – помощник начальника разведывательного отделения штаба 1-го армейского корпуса и капитан Зарубаев. На совещании обсуждалось положение армии, вопрос престолонаследия и др. Несмотря на доброжелательную атмосферу встречи, никаких важных последствий она не имела и стороны остались на прежних позициях.

Наряду с монархическим фактором в офицерской среде существовали и явно пробольшеvistские элементы, ведущие постоянную работу против армии, к сожалению, недостаток опыта и политического чутья у ответственных лиц в рядах армии существенно осложнял выявление таких лиц, а также правильную оценку их действий. Так, генерал-майор К. И. Глобачев, глава константинопольского информационного (читай разведывательного) пункта, наивно размышлял о действиях пробольшеvistского агента полковника Анисимова: «С другой стороны, не лишено известной правдоподобности высказанное вами предположение – не работает ли полк[овник] Анисимов самостоятельным разведчиком в нашу пользу, пока не открывая нам своих карт»³². При этом стоит сказать, что Глобачев был в прошлом начальником Петроградского охранного отделения и считался одним из лучших контрразведчиков белой армии. Принимая во внимание наивность и близорукость этого «специалиста»,

---

³² Русская военная эмиграция 20—40-х годов. Т. 1. Кн. 2. С. 215.

нетрудно предположить, как было легко провести других представителей командования.

К осени 1922 г. определились места дислокации частей Русской армии, оставившей лагеря на турецкой земле. 7 августа 1922 г. контрразведывательный отдел ГПУ отмечал следующее расположение частей армии генерала П. Н. Врангеля³³ (Таблица 1):

---

³³ Там же. С. 303–306.

Таблица 1

Дислокация частей Русской армии

Наименование части	Количество чинов (чел.)	Место расположения
Главнокомандующий П.Н. Врангель, начальник штаба генерал Е.К. Миллер		
Ординарческий эскадрон	80	
Группа генерала Барбовича		
1-я кавалерийская бригада		
1-й кавалерийский полк	600	КСХС
2-й кавалерийский полк	500	КСХС
2-я кавалерийская бригада		
3-й кавалерийский полк	520	КСХС
4-й кавалерийский полк	550	КСХС
Запасной кавалерийский полк	800	КСХС
Лейб-гвардии Казачий полк	140	КСХС
Лейб-гвардии Атаманский полк	210	КСХС
Дивизион лейб-гвардии кубанских и терской сотен	300	КСХС
Конвой Главнокомандующего	320	Тырново (Болгария)
Лейб-гвардии казачья батарея		КСХС
Николаевское кавалерийское училище	190	Белая Церковь (КСХС)
Кубанская казачья дивизия. Штаб г. Ниш		
1-й Кубанский казачий полк	500	Ниш (КСХС)
2-й Кубанский казачий полк	500	Ниш
3-й Кубанский казачий полк	500	Ниш
Кубанский технический полк	210	Окрестности Белграда
Донской технический полк	180	КСХС
Технический полк	600	Греция
Армейский корпус		
1-я пехотная дивизия		
Комендантская команда		Свишево (Болгария)
Штабные команды и учреждения	190	Тырново (Болгария)
1-я бригада		
Корниловский ударный полк	1400	Паничерово (Болгария)
Конный артиллерийский полк	200	Паничерово

Технический железнодорожный батальон	250	Карлово (Болгария)
Автоброневой дивизион	290	Тырново
Саперный батальон	270	Черногория, КСХС
Понтонная рота	85	
Офицерская инженерная школа	144	Княжево (Болгария)
Офицерская артиллерийская школа	130	Тырново
Офицерская гимнастическая школа	115	Тырново
Штаб офицерского резерва Русской армии	220	Разград (Болгария)
Офицерские административные курсы	220	Разград
Николаевско-Алексеевское инженерное училище	320	Княжево
Сергиевское артиллерийское училище	300	Нова Загора (Болгария)
Александровское военное училище	300	
Корниловское военное училище	320	Ямбол (Болгария)
Константиновское военное училище	280	Джуман (Болгария)
Донской казачий корпус		
Офицерская сотня	110	
Офицерская батарея	180	
Инженерная сотня	120	
Радиоотделение	45	КСХС
Штабная команда	110	КСХС
1-я казачья дивизия		
Штабная команда	125	КСХС
1-я бригада		
1-й Каледино-Назаровский казачий полк	125	КСХС
2-й казачий Платовский полк	780	КСХС
Отдельный Терско-Астраханский казачий полк	900	КСХС
Гундоровский казачий пеший полк и штабная команда	1450	КСХС
Донское Атаманское военное училище	145	КСХС
Бийское Кубанское училище		
2-я бригада	260	КСХС
Алексеевский артиллерийский дивизион	320	КСХС
Алексеевский конный дивизион	225	КСХС
Алексеевская инженерная рота	225	КСХС
Не установлено	385	
Итого:	22 594 человека	

Длительное нахождение военнослужащих в лагерях, да и

другие испытания, выпавшие на их долю, привели к некоторому падению дисциплины в частях. Для стабилизации ситуации П. Н. Врангель издал приказ № 325 от 11 сентября 1921 г., которым расширил полномочия судов чести, передав в их ведение уголовные дела, не совместимые с понятием воинской чести, нравственности и благородства.

Образование союзов в разных европейских странах имело свою специфику. Наиболее сложным оно было в странах, где отсутствовали крупные русские воинские контингенты.

Первая офицерская организация на территории Чехословацкой республики была образована еще в 1918 г. под названием «Общество русских офицеров в Праге». Председателем избран подполковник И. И. Жунко, товарищами председателя капитан Ю. А. Лимонт-Иванов, штабс-капитан А. Ф. Гавлов, поручик Л. Г. Устьянцев, казначеем прапорщик Н. И. Брусникин, секретарем прапорщик И. А. Тупиков, вторым секретарем с правом совещательного голоса прапорщик А. М. Лешкевич-Ольпинский. Общество было создано «для организации в Чехословакии боевых русских воинских частей, предназначенных к отправке в Россию для борьбы с большевизмом и для восстановления законного порядка путем созыва Учредительного собрания»³⁴. Общество подчинялось Министерству обороны Чехословакии. Была образована инструкторская рота, утвержден временный штат и форма обещания (присяги).

---

³⁴ ГАРФ. Ф. Р-7508. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

Интересно отметить, что в качестве добровольцев-охотников в ЧСР зарегистрировалось 138 человек, объединенных в 1-ю роту, но во ВСЮР отправился лишь 21 офицер и ни одного солдата³⁵.

Состав русской военной эмиграции в Польше был неоднородным. Основная масса эмигрантов прибыла на польскую территорию в 1919–1920 гг. В ее составе можно выделить несколько основных групп: офицеры-беженцы, не принимавшие участия в Гражданской войне; офицеры, проживавшие в Царстве Польском до революции; чины группы генерал-лейтенанта Н. Э. Бредова (около 1000 человек); чины Северо-Западной армии и частей П. Р. Бермондт-Авалова, прибывшие из Прибалтики (несколько тысяч человек); чины 3-й Русской армии, формировавшейся в Польше при участии Б. В. Савинкова, чины различных формирований генерал-майора С. Н. Булак-Балаховича и военнослужащие казачьих частей, перешедших на сторону Польши из Красной армии и сражавшиеся против большевиков. Также на территории Польши осталось некоторое число военнопленных красноармейцев и военнослужащих различных украинских формирований, впрочем, эти группы не играли заметной роли в жизни русской эмиграции. По состоянию на 4 февраля 1921 г. наиболее многочисленными были следующие группы: части армии Украинской народной республики – 15 258 человек, части Булак-Балаховича – 6737 чинов, части 3-й

---

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-7508. Оп. 1. Д. 3. Л. 11–12.

Русской армии – 6239 чинов и казачьи части есаула М. И. Яковлева – 1474 человека³⁶.

Окончание Советско-польской войны и подписание Рижского мирного договора между странами существенно осложнило жизнь русским и украинским формированиям на территории Польши: в их помощи больше не нуждались и интернирование формирований было не за горами. Отношение польских властей к бывшим союзникам оставляло желать лучшего, а скудные средства Главнокомандующего Русской армией генерала П. Н. Врангеля и Русского эвакуационного (до декабря 1920 г. политического) комитета Б. В. Савинкова подходили к концу. После высылки из Польши Б. В. Савинкова деятельность РЭК стала постепенно угасать, и к началу 1924 г. главным органом помощи русским эмигрантам стал Русский попечительский об эмигрантах комитет, образованный в 1921 г.³⁷

Переход воинских частей на беженское положение был практически завершен к середине 1924 г.³⁸ Динамика численности интернированных хорошо видна в таблице 2.

---

³⁶ *Karpus Z.* Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy w Polsce w latach 1918—1924. Z dziejów militarno-politycznych wojny polsko-radzieckiej. Toruń, 1991. S. 116.

³⁷ *Вельмин А.П.* Русское население в Польше во время немецкой оккупации // Новый журнал. 1946. № 14. С. 290.

³⁸ *Симонова Т.М.* Советская Россия (СССР) и Польша. Русские антисоветские формирования в Польше (1919—1925 гг.). М., 2013.

Таблица 2

Количество интернированных в лагерях на территории Польши в ноябре 1921 г. – август 1924 г.³⁹

Название лагеря	1.11.21	15.12.21	1.04.22	3.06.22	1.07.22	28.07.22	30.10.22	1.23	14.06.23	19.09.23	30.11.23	7.08.
Лагерь военнопленных интернированных № 1 в Стржалково	3394	3898	2968		У 2364, Б 834	У 2059, Б 486	У 608, Б 702, П 698	2000	У 700, Р 1700	350**, В 1157	193, В 700	180
Лагерь военнопленных интернированных № 7 в Тухоле	3431		4600	3198		3000*	—	—	—	—	—	—
Лагерь интернированных в Калише и Щипёрно	4600		5788						3036	2753		
На работах вне лагерей			4081					2300		7854		
Всего			17 437							10 957		

Примечание: У – интернированные украинцы, Б – интернированные балаховцы, П – интернированные из частей генерал-майора Пермикина, Р – интернированные русские, В – интернированные, переведенные в рабочий лагерь.

* – с февраля 1922 г. лагерь был в стадии расформирования, интернированные, находившиеся в нем, были переведены в Стржалково.

³⁹ Karpus Z. Op. cit. S. 127.

** – до августа 1923 г. часть интернированных отправлена в Калиш, а 1157 переведены в рабочую часть лагеря.

Стоит сказать, что русские части, отошедшие на территорию Польши, находились в плачевном состоянии – имелись проблемы с дисциплиной, резко ощущался недостаток обмундирования и продовольствия. К примеру, около 50 % офицеров и солдат 2-й стрелковой дивизии 3-й Русской армии не имели обуви и верхней одежды. В результате ненадлежащего снабжения частей 3-й армии в Польше произошел конфликт между Русским эвакуационным комитетом и командованием армии. Польское командование поддержало Б. В. Савинкова и РЭК и около 30 старших русских офицеров были помещены в лагерь Дембие, а затем были вынуждены оставить армию.

В мае 1921 г. Б. В. Савинков вел переговоры с польским правительством о принятии казаков, находящихся в Польше, и чинов кавалерийского полка армии генерала С. Н. Булак-Балаховича и конного полка 3-й армии на службу в польскую пограничную стражу. По информации Савинкова в Польше в это время находилось около 3500 казаков различных войск, объединенных в дивизию двухбригадного состава с двухбатарейным артиллерийским дивизионом и сводным Кубанско-Астраханским дивизионом. Большинство казаков было сосредоточено в лагерях под Островом Ломжинским и в Рожанах. Дивизию предполагалось пополнить казачьей

группой есаула Яковлева (900 человек)⁴⁰. 24 мая 1921 г. Донской казачий есаула Фролова полк в составе 68 офицеров и 421 казака официально был зачислен в состав казачьих частей в Польше под названием 4-й Донской казачий полк⁴¹. Начальником образованного Управления интернированных казачьих частей в Польше был назначен полковник М. Н. Гнилорыбов.

28-31 мая 1921 г. в лагере в Острове Ломжинском состоялся съезд представителей казачьих частей в Польше. Председателем съезда был подъесаул Ульянов, товарищами председателя есаул Фролов и полковник Духопольников, секретарями – подхорунжий Ситников и хорунжий Кравченков.

Весной 1922 г. большевистская разведка отмечала, что штаб антибольшевистских сил в Варшаве находился в помещении Русского Красного Креста.

5 декабря 1922 г. польское МВД распорядилось провести перерегистрацию всех иностранцев в стране. Лица, прибывшие в Польшу до 12 октября 1920 г. и не получившие политического убежища, подлежали высылке. Эти меры коснулись некоторого числа русских и украинских военнослужащих.

К началу 1923 г. в различных европейских странах было образовано заметное количество русских воинских союзов. Иным образом дело обстояло в Польше: противодействие

---

⁴⁰ Русская военная эмиграция 20—40-х годов. Т. 1. Кн. 2. С. 385—386.

⁴¹ Там же. С. 397.

польских инстанций в регистрации русских военных организаций привело к образованию законспирированных офицерских союзов, к примеру Русского Варшавского военно-исторического кружка (или Академического союза) генерал-лейтенанта П. Н. Симанского, активно действующего с 1922 г. Генерал участвовал в общественной жизни русской колонии, сотрудничал с польским военным журналом «Bellona» и Военно-историческим бюро, позже возглавил Русский общественный комитет в Варшаве.

Особое положение Данцига позволило официально создать в нем первую офицерскую организацию – Союз взаимопомощи офицеров бывших российских армии и флота в Данциге. Председателем союза являлся генерал-майор Я. Д. Юзефович. Устав союза был утвержден Главнокомандующим Русской армией. Союз должен был сплотить русских офицеров в городе и предместьях. С помощью местной русской общины союзу удалось поселить 19 членов в общежитие Красного Креста. Союз также приобрел для них утварь и инструменты, что дало им возможность вести артельное хозяйство.

На территории Германии первыми в политические события оказались вовлечены люди П. Р. Бермондт-Авалова: они были тесно связаны с немецкими добровольческими корпусами, сражавшимися с левыми в России и Германии. Сам П. Р. Бермондт-Авалов пытался играть значительную роль в политической жизни республики. В ходе переговоров с немца-

ми была достигнута договоренность, что интернированные в лагере Альтенграбов чины Западной добровольческой армии примут участие в Капповском путче в марте 1920 г.⁴² При успешном развитии событий П. Р. Бермондт-Авалов рассчитывал получить аналогичную помощь от своих немецких друзей при новом походе в Россию. Быстрый провал Капповского путча не дал заговорщикам претворить в жизнь свои планы. Тем не менее иностранный отдел Всероссийской чрезвычайной комиссии (ИНО ВЧК) смог установить тесную связь П. Р. Бермондт-Авалова с нелегальными немецкими военными организациями (так называемыми Добровольческими корпусами)⁴³. Также ИНО ВЧК сообщал в Москву: «Популярность Бермондта среди германской военщины очень большая, и он в 3 недели может собрать 50[000] – 100 000 вооруженных и обмундированных людей»⁴⁴.

Генерал П. Н. Врангель понимал острую необходимость сплочения разрозненных офицеров в единое целое, но сделать это было достаточно сложно: в Германии проживало значительное число ветеранов Гражданской войны на северо-западе России.

В начале 1921 г. в Берлине были созданы Союз взаи-

---

⁴² Kellog M. Russian roots of Nazism. Cambridge, 2005. P. 106.

⁴³ Русская военная эмиграция 20—40-х гг. XX века: Документы и материалы. Т. 1: Так начиналось изгнание. 1920—1922 гг. Кн. 2. С. 409.

⁴⁴ Русская военная эмиграция 20-40-х гг. XX века: Документы и материалы. Т. 1: Так начиналось изгнание. 1920—1922 гг. Кн. 2. С. 84.

мопомощи офицеров бывших российских армии и флота в Германии (часто именовался просто как Союз офицеров) и Центральный союз увечных воинов. Союз офицеров в своей деятельности ориентировался на Монархическое объединение Н. Е. Маркова. Председателем был генерал-лейтенант Е. К. Арсеньев, товарищем председателя генерал-майор Н. А. Елагин, секретарем – штабс-ротмистр Ф. Г. фон Эттинген, казначеем – полковник В. В. Сергеев. В суд чести союза входили вице-адмирал С. А. Воеводский, капитан 2-го ранга барон Г. Г. Остен-Сакен, полковник Т. П. Гаусман.

Летом 1921 г. была предпринята попытка организовать Общество офицеров Генерального штаба. Создание новых офицерских союзов и обществ было непосредственно связано с прибытием в Германию новых офицеров. К середине 1922 г. массовое прибытие российских военнослужащих в страну прекратилось. Общая численность выходцев из России к этому времени составляла примерно 250 000 человек⁴⁵. При этом удельный вес военных в эмигрантской колонии оценивался в 15,8 %.

Все русские лагеря находились в ведении Министерства внутренних дел Германии и образованного в Берлине Ликвидационного управления по делам русских военнопленных и интернированных⁴⁶. Сами лагеря управлялись германской

---

⁴⁵ Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919—1939. М., 1994. С. 262.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-5815. Оп. 1. Д. 8. Л. 107.

лагерной администрацией и русскими управляющими. Полковник В. А. Богуславский был управляющим в лагерях Вюнсдорф и Циле, полковник Субботин – в Альтенау, полковник Н. А. Швецов – в Вильдемане.

К 1922 г. произошло организационное становление союзов и обществ российских военнослужащих в Германии. Самым многочисленным был Союз взаимопомощи офицеров бывших российских армии и флота в Германии – в нем состояло 770 членов⁴⁷. Другие союзы насчитывали несколько сотен, а то и несколько десятков членов. Жизнь военной эмиграции заметно оживилась весной 1922 г. после назначения и переезда в Берлин военного представителя главнокомандующего в Германии генерал-майора Алексея Александровича фон Лампе. Военный представитель с рвением взялся за наведение порядка на подведомственной ему территории: были ужесточены правила учета офицеров, документооборот и т. п.

Первой серьезной проблемой, с которой столкнулся А. А. фон Лампе, были последствия покушения на П. Н. Милюкова. 28 марта 1922 г. в берлинской консерватории, во время выступления Милюкова с докладом «Америка и восстановление России», двое офицеров-эмигрантов попытались убить выступающего. В ходе покушения был убит В. Д. Набоков, пытавшийся нейтрализовать стрелявшего, ранены Л. Е. Эльяшов, А. И. Каминка и еще пятеро присутствовавших.

---

⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 34. Л. 67.

Покушение осуществили ротмистр С. В. Таборицкий и корнет П. Н. Шабельский-Борк, которые позже станут играть заметную роль в жизни русской эмиграции в Германии.

Главной заботой бывших военнослужащих в Германии, как немецких, так и русских, было трудоустройство. Лидеры российской военной эмиграции продолжали подчеркивать острую необходимость получения работы эмигрантами. Так, военный представитель главнокомандующего в Германии генерал-майор И. А. Хольмсен (предшественник А. А. фон Лампе) заявлял: «Первейшая задача каждого русского эмигранта: помощи себе сам. Побольше работы, поменьше слов. Совершенствуйтесь – каждый в своей специальности, особенно в области сельскохозяйственной промышленности». Ему вторил генерал от кавалерии П. Н. Краснов: «Офицер-эмигрант должен работать, а не политиканствовать... Когда ко мне является офицер и спрашивает, что ему делать, я отвечаю: теперь Вы больше не офицер, ибо у Вас нет никакой связи с русской армией, поэтому работайте и учитесь...»⁴⁸

Под давлением немецких властей в конце 1922 г. был образован общеэмигрантский орган – Совещание объединенных русских учреждений и общественных организаций в Германии. В следующем году совещание стало называться Объединением русских учреждений в Германии. В него в качестве коллективных членов входило 35 эмигрантских учре-

---

⁴⁸ Анкеты // Голос эмигранта (Берлин). 1921. № 1. С. 7.

ждений и организаций, в том числе офицерские: Союз взаимопомощи офицеров бывших российских армии и флота в Германии, Общество офицеров Генерального штаба, Союз взаимопомощи пажей, Союз взаимопомощи преображенцев, Союз взаимопомощи моряков, Союз русских увечных воинов, Союз бывших военнопленных и интернированных в Германии, Союз русских летчиков⁴⁹.

Весной 1921 г. по инициативе военного представителя генерал-лейтенанта И. А. Хольмсена началось создание германского отдела Общества русских офицеров Генерального штаба. В июне 1921 г. в его состав вошло 12 человек: председатель – генерал от кавалерии барон Е. А. Рауш фон Траубенберг, секретарь – полковник В. И. Петровский. 17 июля 1922 г. новым председателем был избран генерал от инфантерии Ф. Ф. Палицын. В связи со смертью последнего 10 марта 1923 г. новым председателем стал генерал-лейтенант А. И. Березовский. К этому времени численность отдела возросла до 26 членов, из которых 20 проживали в Берлине.

Особняком от воинских союзов держались казаки. В начале 1920-х гг. в Германии существовала казачья станица в местечке Лихтенхорст. В нее входило около 1500 казаков, проживавших в бывшем лагере военнопленных, расположенном на территории частных торфяных владений неко-

---

⁴⁹ Русская военная эмиграция 20—40-х гг. XX века: Документы и материалы. Т. 2: Несбывшиеся надежды. 1923 г. М., 2001. С. 295.

его немца Каера⁵⁰. Последний сговорился с представителем казаков полковником П. В. Карташевым и несколько лет, со слов казаков, эксплуатировал их. В лагере под редакцией Карташова выпускался журнал «Казачий сборник», на страницах которого редакция призывала к верности великому князю Николаю Николаевичу и генералу П. Н. Краснову. Рассказ о якобы имевших место мытарствах казаков был позже опубликован в журнале «Вольное казачество», свое повествование автор закончил словами, что большая часть казаков «прокляла свое пребывание в Германии»⁵¹.

В середине 1920-х гг. в Германии еще располагалась казачья группа в Майнце, входившая в состав Казачьего союза, а также Берлинская станица.

Большие сложности имелись с определением правового статуса российских эмигрантов в Германии. Летом 1922 г. Министерство иностранных дел Германии подтвердило своими циркулярами, что белоэмигранты имеют статус лиц без гражданства – апатридов. При этом удостоверения личности, выданные Организацией по защите интересов русских беженцев в Германии, считались германскими учреждениями документами, подходящими для установления личности и беженского состояния владельца. 27 сентября 1923 г. эта ситуация изменилась в лучшую сторону – российским эми-

---

⁵⁰ *Данник*. История одной авантюры // Вольное казачество (Прага). 1929. № 41/42. С. 24.

⁵¹ Там же. С. 25.

грантам было разрешено выдавать нансеновские паспорта.

Выдача нансеновских паспортов вызвала у эмигрантов далеко не однозначную реакцию: от полного неприятия до полного восторга. При этом встал вопрос, кого же считать русскими эмигрантами (читай – беженцами) и кому выдавать нансеновские паспорта. Русские правоведы из берлинского отделения Комитета съездов русских юристов предложили следующие критерии для определения эмигранта и получения паспорта: «Беженцами признаются русские граждане, которые могут установить, что причиною оставления ими России или причиною невозможности в нее вернуться является гонение советской власти, или опасность, или отсутствие серьезных гарантий при возвращении для жизни, свободы и имущества. «Русскими беженцами» признаются те русские граждане, которые в момент оставления родины были подданными бывшей Российской империи и которые не оптировали потом подданства какого-либо другого государства»⁵². Между тем командование Русской армии выступало категорически против принятия военнотружущими гражданства страны проживания: «... принятие нашими чинами иностранного гражданства является совершенно недопустимым и угрожающим интересам нашего общего дела»⁵³.

Тем временем в Германии начался новый виток экономического кризиса и безработицы, отчего страдали не только

---

⁵² ГАРФ. Ф. Р-5908. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

⁵³ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 50.

эмигранты, но и немцы. Отсутствие работы заставляло эмигрантов покидать Германию и отправляться преимущественно во Францию. В соответствии с требованием командования чинам союзов было необходимо сниматься с регистрации в канцелярии, но при этом они могли оставаться в составе своего союза даже после переезда в другую страну. В своем дневнике А. А. фон Лампе так описал эту ситуацию: «Из Германии офицерство бежит стихийно, [причины] – и политическое положение, и отсутствие заработка, в то время как во Франции можно не только заработать физическим трудом прожиточный минимум, но и приодеться. И политическое бесправие русских в Германии, и все права во Франции – все это гонит привычное к передвижениям офицерство на новое место! С января, начав с 14 в месяц, уехало до 700 человек! При таком темпе в Германии остается только моя миссия...»⁵⁴

Территориально в 1920–1930 гг. численность эмиграции в европейских странах определялась следующим образом:

---

⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 12. Л. 54.

Таблица 3

Распределение неассимилированных русских беженцев по географическим зонам⁵⁵

Группы стран	1922	1930	1937
Турция	35 000	1400	1200
Балканские страны			
Греция	3000	13 000	2200
Румыния	35 000	30 000	11 000
Королевство СХС / Югославия	34 000	22 000	27 500
Болгария	31 000	-	15 700
Всего:	138 000	68 400	57 600
Польша и страны Прибалтики			
Эстония	15 000	11 000	5300
Литва	16 000	16 000	13 000
Польша	20 000	12 000	8000

⁵⁵ Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919—1939. М., 1994. С. 262. Таблица публикуется со всеми пропусками и ошибками автора.

Большевики, представляя масштабы эмиграции и зная о значительном количестве потенциальных возвращенцев, вынашивали планы частичной амнистии для рядовых участников белой борьбы, исключая генералов и офицеров, что было отражено в протоколе заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 24 сентября 1921 г. Следующим шагом стало постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета «Объявить полную амнистию лицам, участвовавшим в военных организациях Колчака, Деникина, Врангеля, Савинкова, Петлюры, Булак-Балаховича, Перемыкина⁵⁶ и Юденича, в качестве рядовых солдат путем обмана или насильно втянутых в борьбу против советской власти»⁵⁷.

Количество возвращенцев было не велико. По самым оптимистичным подсчетам в Советскую Россию к 1931 г. вернулось 181 432 эмигранта, причем из них 121 843 человека – в 1921 г.⁵⁸ Сколько из них было военнослужащих – неизвестно, но офицеров среди них было, по мнению С. В. Волкова, не более 3000 человек. Причем большинство из них имело левые (обычно проэсеровские) взгляды.

Нередко возвращенцы отправлялись домой в одном эшелоне с репатрируемыми военнопленными Русской импера-

---

⁵⁶ Так в документе. Правильно – Пермикин.

⁵⁷ Русская военная эмиграция 20—40-х годов. Документы и материалы. Т. 3. Возвращение... С. 70—71.

⁵⁸ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1999. С. 274.

торской армии. Так, к примеру, 29 марта 1922 г. с эшелоном военнопленных из Германии домой отправились 19 «амнистированных белых»⁵⁹.

В мае 1922 г. из Тухоля (Польша) было отправлено 1350 амнистированных⁶⁰.

На территории Чехословакии для потенциальных возвращенцев был организован особый лагерь в м. Немецке Яблоне, поблизости от немецкой границы. Ранее в лагере содержались военнопленные Русской императорской армии, украинские формирования. Затем он был передан миссии Советской России и в нем стали собираться репатрианты. Советская миссия создала для репатриантов образцовые условия, ежедневно выдавалось питание – 600 г хлеба, 2 раза в день кофе, обед из 2 блюд и ужин. При лагере существовали портняжная и сапожная мастерские, хор песенников, школа для безграмотных, читальня, магазин. 9 сентября 1922 г. из лагеря в Советскую Россию был отправлен второй эшелон с 650 репатриантами⁶¹.

Первый морской транспорт с репатриантами из Франции отправился 19 июня 1923 г. из Марселя. На нем выехало 587 человек, из них 497 солдат Русского экспедиционного корпуса и бывших русских военнопленных из Германии, 33 солдата белых армий, 45 женщин (жен солдат), 26 детей и

---

⁵⁹ Русская военная эмиграция 20—40-х годов. Т. 3. С. 120.

⁶⁰ Там же. С. 152.

⁶¹ Там же. С. 186–187.

несколько других подростков⁶².

19 марта 1922 г. на станции Раковска (Болгария) был организован Союз возвращения на Родину. Уже 21 июня союз обратился с воззванием к солдатам и офицерам белой армии с призывом возвращаться в Советскую Россию. Наиболее подвержены такой пропаганде оказались казаки, хотя вскоре союз представил список из 36 генералов и офицеров, желающих вернуться⁶³. 4 февраля 1923 г. генерал-лейтенант А. С. Секретев и генерал-майоры Ю. К. Гравицкий, И. В. Клочков, Е. И. Зеленин и несколько полковников из этого списка подписали обращение, в котором признали РСФСР и призвали своих боевых соратников к возвращению в страну. Все это привело к распоряжению начальника штаба Русской армии генерала Миллера о необходимости учитывать членов Союза возвращения на Родину и принимать в отношении них «решительные меры».

---

⁶² Там же. Т. С. 236.

⁶³ Русская военная эмиграция 20—40-х годов. Т. 3. С. 313—316.

Глава 2. От армии беженцев к Русскому Обще-Воинскому Союзу 1923–1924 гг.

*Армия в изгнании. Работает на шахте солдат,
копает землю казак, бьет щебень израненный
офицер. Голодно. Холодно. Кругом безучастие или
клевета и злоба...*

*Но Армия жива. Она продолжает творить свой
подвиг. В ее сердце образ измученной Родины.*

Генерал П. Н. Врангель

Весной 1923 г. последние чины Русской армии покинули военные лагеря на турецкой земле. Завершилась очередная крупная фаза перемещения русской военной эмиграции в Европе. Ее итогами стала концентрация воинских контингентов в ряде стран:

Болгария – 17 000 человек;

Королевство сербов, хорватов и словенцев – 11 500 человек;

Чехословакия – 1000 человек;

Греция – 3000 человек;

Венгрия – 300 человек;

Бизерта (Тунис) – 6000 человек;

Всего: 38 800 человек⁶⁴.

По окончании переезда из лагерей основными странами сосредоточения стали Болгария, КСХС для чинов Русской армии генерала П. Н. Врангеля и Польша, где оказались в большом числе чины различных армий и формирований, действовавших на западе и северо-западе России. Также стоит отметить начавшийся приток бывших русских военнослужащих на территории Франции.

Главное командование Русской армии прилагало большие усилия для устройства военнослужащих, не окончивших своего образования из-за Гражданской войны, в высшие учебные заведения Европы. Около 2000 молодых чинов было определено в университеты, из них около 1000 человек на территории Королевства СХС. Участники белой борьбы на других фронтах такой возможности и помощи не имели.

Как и прежде, главными проблемами военной эмиграции оставались трудоустройство и сложности гражданско-правового характера. К ним относились вопросы получения тех или иных документов в странах-реципиентах, вопросы гражданства и натурализации.

Недостаток денежных средств в казне Главнокомандующего заставлял штаб армии сокращать финансирование частей (как было ранее указано, многие части перешли на са-

---

⁶⁴ Русская армия в изгнании 1920—1923. Б/м., б/д. С. 9. В данном перечне в строке Бизерта приводится завышенная цифра. В феврале 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте насчитывалось 5849 человек. С годами эта цифра стремительно снижалась. См. ниже.

мофинансирование за счет выполняемых работ). Было принято решение о сворачивании обучения в сохраненных военных училищах. После выпуска последнего курса училища должны были быть кадрированы, а их помещения использованы для проживания личного состава и выпускников. Всего же на чужбине 6 военными училищами было подготовлено около 2000 офицеров⁶⁵.

Старший курс Сергиевского артиллерийского училища в Великом Тырнове (Болгария) был выпущен весной 1923 г., а уже 12 июля 1923 г. (согласно приказу генерала П. Н. Врангеля последний выпуск из училищ должен был произойти 15 сентября 1923 г.) состоялся ускоренный выпуск прежнего среднего курса. Занятия продолжались до последнего дня. Последние юнкера Русской армии очень серьезно отнеслись к завершению обучения и постарались путем пересдачи повысить свой средний выпускной балл. Процедура выпуска, несмотря на тяжелейшие условия, проходила в атмосфере торжественности, с соблюдением славных традиций Русской императорской армии.

Сдача выпускных испытаний продолжалась до 10 июля 1923 г., экзамены сдавались группами по 15 человек каждая. Порядок сдачи экзамена («репетиции») был не пофамильный, а устанавливался самими юнкерами. Как правило, самый плохо подготовленный юнкер старался отвечать последним. Так было и вечером 10 июля в Сергиевском училище.

---

⁶⁵ Русская армия в изгнании 1920—1923. Б/м., б/д. С. 19.

Когда последний юнкер вышел к доске, во дворе казармы четыре трубача заиграли «великий отбой» и преподаватель по сложившейся традиции, не задав юнкеру ни одного вопроса, поставил ему 12 баллов.

Другой интересной традицией выпускников военных училищ было устраивать накануне производства в офицеры в зале училища шуточный парад. Парадом командовал ротный фельдфебель, а принимал «генерал выпуска» – юнкер, окончивший училище с худшим баллом. Каждый взвод являлся на парад в своей «униформе». Один из юнкеров Сергиевского училища оставил описание «парадной формы» последнего выпуска:

«1-й взвод: бескозырка, шинельная скатка через плечо, набедренная повязка из полотенца и сапоги со шпорами;

2-й взвод: кальсоны, фуфайка, коричневый кожаный пояс, сапоги, перчатки и вещевой мешок за плечами;

3-й взвод: пять белых казенных носков – два на ногах, два на руках, а пятый вместо фигового листа;

4-й взвод: тут дело обстояло сложнее. Перед началом парада этот взвод должен был построиться в одну шеренгу в обычной юнкерской форме; затем раздеться донага и аккуратно, в уставном порядке, сложить все с себя снятое тут же, перед собой, на полу. Каждому нам надлежало выйти на парад в том, что он снова успеет надеть в течение десяти секунд, которые громко отсчитывал фельдфебель. Успели надеть, конечно, очень немногие – самый нерасторопный толь-

ко кальсоны и один сапог»⁶⁶.

Офицеры-преподаватели на этом шуточном параде не присутствовали, хотя и среди них находились охотники взглянуть на торжество одним глазком. На параде зачитывался шуточный приказ, в котором посмеивались над офицерами и порядками училища. Завершался парад церемониальным маршем в «парадной униформе» далеко за полночь.

В день выпуска в 12.00 состоялось торжественное построение в зале училища. Генерала Врангеля, не допущенного в Болгарию, представлял генерал-лейтенант И. А. Ронжин, он же зачитал поздравительную телеграмму от Главнокомандующего: «Сердечно поздравляю славных юнкеров-сергиевцев подпоручиками. Твердо верю, что молодые орлы будут достойны своих доблестных старших соратников». Затем генерал обошел строй юнкеров и поздравил каждого, а адъютант училища вручил каждому выпускнику сложенный в четыре раза приказ о производстве. По сложившейся традиции, юнкера засовывали сложенный приказ под левый погон.

Один из произведенных позже вспоминал: «Важнейшее и незабываемое для каждого военного человека событие свершилось: после долгих лет подготовки в кадетском корпусе, военном училище, а в нашем случае еще и на войне, – мы, наконец, вступили в русскую офицерскую семью. Но, увы, при обстоятельствах подлинно трагических и в истории Рус-

---

⁶⁶ Каратеев М.Д. Белогвардейцы на Балканах // Русская армия в изгнании. М., 2003. С. 180.

ской Армии небывалых: через три дня нам предстояло отправиться не в славные воинские части, а по окрестным городкам и селам, искать себе применения в качестве черно-рабочих и батраков»⁶⁷.

Вслед за производством шла череда празднеств: выпускной банкет (выпускники, преподаватели и офицеры прошлых выпусков); на следующий день – торжественный обед с участием частей-побратимов и офицеров болгарского гарнизона и торжественный ужин с офицерами предыдущего выпуска; на третий день завершал торжества выпускной бал.

На балу присутствовали все вышеназванные категории офицеров. Прекрасная половина человечества была представлена только женами и дочерьми присутствующих офицеров. На балу исполнялись мазурка, вальс и другие классические танцы. Фокстрот же еще не нашел широкого признания в кругах русской эмиграции, о чем сильно сокрушались молодые офицеры.

Весной 1922 г. в отношении частей Русской армии в Болгарии начались различные репрессии и провокации, ряд старших офицеров и генералов был выслан из страны. Предвидя переворот в Болгарии, генерал Врангель в приказе № 263 от 9 апреля 1922 г. указал: «В случае выступления внутри страны какой-либо политической партии ни в коем случае участия в выступлениях не принимать»⁶⁸. Было за-

---

⁶⁷ Там же. С. 181–182.

⁶⁸ Русская военная эмиграция 20—40-х годов. Т. 1. Кн. 2. На чужбине. М.,

фиксировано несколько случаев нападения болгарских левых активистов на эмигрантов. В Тырнове 16 июля 1922 г. болгарские жандармы напали на юнкеров Сергиевского артиллерийского училища. В результате нападения юнкер Лобода был убит, а еще 4 ранены⁶⁹.

К лету 1923 г. средства, внесенные командованием Русской армии на содержание своих частей в Болгарии, стали заканчиваться, что привело к серьезным финансовым проблемам среди эмигрантов. Вместе с тем советское представительство в Болгарии усилило работу по разложению армейских частей, в ней также участвовали члены болгарской Коммунистической партии и Союза возвращения на Родину (Совнарод). Филиалы Совнарода стали открываться поблизости от мест размещения армейских частей. Всего было образовано 65 местных групп Совнарода, которые вовлекли в свои ряды около 8500 беженцев⁷⁰. Деятельность просоветских организаций начала приносить первые ощутимые плоды к середине 1923 г. С помощью миссии Советского Красного Креста из Болгарии в Советскую Россию было репатрировано более 11 000 человек (включая гражданских беженцев), что составляло около 25 % от всех ранее прибывших⁷¹.

1998. С. 601.

⁶⁹ Витковский В.К. Пребывание русской армии в Болгарии и коммунистическое движение в 1922—1923 годах // Русская армия в изгнании. М., 2003. С. 121.

⁷⁰ Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1981. С. 74.

⁷¹ Спасов Л. Врангеловата армия в България 1919—1923. София, 1999. С. 202—204.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.